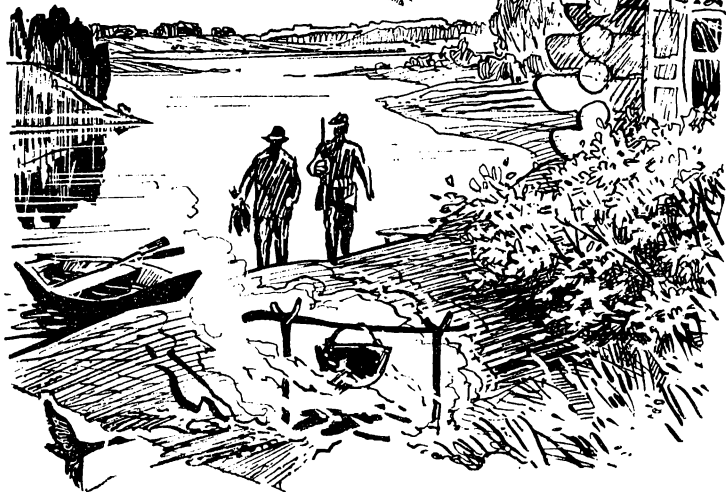

Виктор Положий НЕЛАДНО...

Фантастическая повесть

1

Устал», — спокойно подумал Адам Сезар, когда ему показалось, что корабль клюнул носом. «Устал, устал», — прикрыв веки и откинувшись в кресле, Сезар то ли пропел вслух, то ли бравурная мелодия пронеслась в его мозгу; он соединил ладони на затылке, напрягая все мышцы, сладко потянулся и сразу же расслабился, словно собирался зевнуть и уснуть.

«Глория» содрогнулась снова.

Какая-то нелепость, мотнул головой Сезар, это же не самолетик, который клюет носом при пустячных неисправностях, будто

конь спотыкается во время бега. Такой дурацкий конь был у Ленгстонов: бежит-бежит, а потом вдруг останавливается — и ты летишь через голову, и смотришь на него уже снизу. Стоит, расставив передние ноги, ушами прыдет, а взгляд вовсе не конский, с придурью; кажется, сейчас спокойно спросит: «Ты разве упал?» Так вот, когда в двигателе перебои и самолет, словно раненая птица, начинает дергаться, проваливаться, ты весь собираешься, но не напрягаешься, — нельзя закаменеть и притупить реакцию, становишься как электрический еж, и каждая иголка твоя пульсирует, будто жилка на виске; тогда ты живешь, чувствуешь, что живешь, и хочешь жить, и должен посадить самолет. В космосе такое исключено, в космосе если судьба уж отворачивается, то и мизерной неисправности достаточно, чтобы о тебе никогда больше не услышали.

«А «Глория», — думал Сезар, — содрогаться не может при ее весе, при ее скорости».

Он еще не верил ни красному сигналу опасности, тем более что вначале красный глаз вспыхивал в ритме здорового сердца, а потом точно сник, поугас, порозовел, задрожал с перебойми и наконец погас совсем, ни пронзительному звуковому сигналу, взявшему сперва самую высокую ноту, но постепенно умолкшему, ни липкой слабости, обволакивающей все тело, отчего оно, казалось, погрузилось в ванну с густым и теплым рассолом. «Удивительно, даже и поныне удивительно, как меня приняли в астронавты, — думал Сезар. — В детстве я твердо верил, что летчики и астронавты — люди железные, выражи и перегрузки для них — развлечение. У меня же всегда подкатывал к горлу ком, когда тренировочный самолет делал горку, иплыли круги перед глазами, когда машина набирала скорость. И, даже став взрослым, я сомневался в выводах медкомиссий: «Годен». Пока не убедился: другие испытывают то же, что и я. Все мы из одного теста. В принципе. И наше, астронавтов, назначение только наблюдать за автоматикой, ведущей корабль. Да вовремя корректировать программу. Это не самолетик, где штурвал в руках придает уверенности. Здесь электроника сама, без твоего вмешательства сделает нужное дело в миллион раз быстрее».

А сейчас, похоже, и автоматика не в состоянии была что-либо изменить. Угасали большие и малые экраны, подсветки приборов, освещение в салоне, тьма, липкая, как и слабость, давила на веки. Сезар подошвами, спиной чувствовал, что «Глория» вибрирует, заваливаясь носовой частью. И тут он как бы со стороны увидел свой мозг, точнее, не мозг, а узкое и длинное табло, на котором быстро менялись зеленые буквы: «Этого не может быть. Случись любая неисправность, я бы уже не существовал. «Глория» не может клевать носом, я, наверное, сплю, и мне мерещится кошмар». Зеленые буквы бежали, а он стоял и отрешенно читал свои мысли. Давно такое не бредилось, считай, с тех пор, как перестал во сне летать, и сейчас он обо что-то зацепится, со стоном встряхнется, окончательно проснется и счастливого засмеется: надо же так... Важно только дожидаться удара, не вскочить преждевременно, чтобы радость облегчения была полной.

Удар получился несильный, и, видно, треснула не обшивка «Глории», а то, с чем она столкнулась.

Адам вспомнил, что в подобных случаях инструкция предписывает принимать астроморф — круглые розовые таблетки, после которых астронавт способен полностью контролировать свое состояние и быть уверенным, что он не спит и не бредит, пусть там вселенная хоть навыворот выворачивается.

Сезар подбросил на ладони ампулу, зачем-то осмотрел ее со всех сторон, перечитывая надписи, а потом ногтем большого пальца поддел пробку, вытянул ватку и выколол розовую горошину.

— Что же это я, — намеренно сказал вслух, чувствуя, однако, что звук с напряжением преодолевает какую-то преграду в горле. — Что же это я, — сказал еще громче и заворочался в кресле, — уже не контролирую себя? — И со злостью посмотрел на розовую таблетку, что каталась в пригоршне.

Собственный голос принес ему облегчение. Оцепенение будто миновало, а неудовлетворение, всколыхнувшееся внутри, освежило мускулы. Он с удивлением увидел, что в салоне, источаемый стенками и потолком, ровно горит рабочий свет, все приборы и указатели тоже оказались исправными, а панель сообщила, что за бортом условия благоприятные.

Адам Сезар пренебрежительно махнул рукой и глотнул астроморф.

— И вы думаете, что-либо изменилось? — развея руками и обращаясь к воображаемой аудитории, сказал он ровно через пять минут. — Совсем ничего. «Глорния», которая должна лететь и быть уже далеко, стоит на твердом грунте, который по всем особенностям идентичен земному. «Глорин» надлежало доставить аппаратуру на межпланетную станцию, а она, как конь Ленгстонов, взбрыкнула и айда домой. Или избрала планету, похожую на Землю. Ха-ха! Но техника, господа, не виновата, пусть директора фирм спят спокойно и не опасаются конкурентов. А вот руководству межгалактических сообщений стоит подумать, не отлетал ли своего пилот Адам Сезар. Представляете, у него галлюцинации. И настолько устойчивые, что он готов принять их за реальность. Таким не место среди нас! Ему может померещиться черт-те что... Именно, господа, черт-те что... Будто он стал богом и создал новый мир. И сейчас этот мир он осматривает. Прошу внимания: включаю экран внешнего наблюдения. Ну вот, как и следовало ожидать: герой во сне возвращается в милое сердцу детство, в наиболее памятные места. Видите прямо перед собой широкую долину с редким кустарником? Здесь мальчик из бедной крестьянской семьи пас коров, своих и чужих. Посреди нее овражек, когда-то он казался глубоким, а сейчас просто ложбинка. И канава обмелела, кажется, и вовсе заросла осокой, низкой и вихристой. В той канаве когда-то тихо и незаметно текла вода, коричневые рыбешки с маленькими усиками скользили по самому дну, поднимая хвостиками песчинки. Каждой весной на межполосье Сезары и Ленгстоны сооружали запруду, набиралось озерцо, чтобы скотине было где напиться в жару, а мы к тому же и купались там голышом... Вот, значит, что вы видите перед собой, — смущенно закончил Сезар.

Эта долина снилась ему очень часто такой, как запечатлелась

в памяти. С пяти лет он изучил на ней каждую купину и каждую лисью нору, знал все редкие кусты ольхи и извилистые повороты ручья. И сейчас казалось, будто он возвратился в страну своего детства и, хотя минуло много лет, застал ее в прежнем виде.

Сезар вздохнул и прикрыл веки. Мысли о предполагаемой аварии его больше не волновали. Сон — значит сон, и если над ним затеяли какой-то эксперимент, спасибо тому, кто приготовил такой подарок. А ведь как хотелось вырваться из этой долины! И еще мальчишкой знал: нелегко придется. Школа не гарантировала успеха, он ее посещал пять месяцев в году, не больше. Весной и осенью приходилось пасти стадо, а когда подрос, то и садиться за руль трактора, помогать отцу. В семье был один парень, и ему надлежало унаследовать ферму. Стать таким же, как парни Ленгстонов, Колхаузов, Ришаров. Родители взлелеяли эту мечту, им порой казалось, будто он лодырь, обманывает их надежды. Наверное, поэтому и решил вырваться в другой, более удивительный мир, к людям, в город, к чудесам. И несколько не полагался на школу, знал, что одной грамотой не взять. Уповал на счастливый случай, рассчитывал, что какой-нибудь талант все же должен в нем прозреть. Сколько песен прогорланил в этой долине! Надеялся: будут ехать мимо артисты (Зачем? Куда? Смешно!), услышат голос и увезут с собой. А потом на его концерты зрители станут прорываться сквозь цепи полицейских, как было с тем парнем, о котором вычитал в газете. «О милая Рут, не жди меня, не зови...»

О милая Рут, не жди меня, не зови!

3

«Глория» приземлилась недалеко от ручья, но телеглаз не мог заглянуть далеко, туда, за пригорок, где стояла их ферма, а также соседние — Ленгстонов, Колхаузов, Ришаров. Четверть века назад Сезар видел в последний раз эти места, прощаясь с ними навсегда: один талант у него обнаружился — здоровье и незаторможенные реакции в самых невероятных ситуациях. Сезар улыбнулся. Он легко освоился, чувствовал себя свободно, ничто ему не угрожало, и даже не возражал бы продлить этот прекрасный сон или как его можно еще назвать. Пускай снится. Решил: выйду сейчас и посмотрю, что осталось на месте родного дома. Его купили Ленгстоны для Николая, кажется, после смерти отца, когда мать перебралась к нему в городок астронавтов.

То, что он увидел, взойдя на пригорок, не поразило и не удивило. Ни от их фермы, ни от соседних не осталось и следа. Вокруг, куда ни помотри, лежала равнина, закрывая горизонт голубым туманом. Вязы исчезли, даже кустика нигде не было видно, а поля, где когда-то шелестела низкая лохматая пшеница, поспевала мясистая ботва свеклы, цвел горох, бобы, соя, затаило такой же дикой травой, как и ложбинку, долину. Ему от этого не сделалось досадно, и он понял: ведь подсознательно в душе надеялся, желал, чтобы ничего здесь не уцелело, не могло причинить боль. И только в конце ложбинки, извивавшейся латинской буквой «зет», в полумиле отсюда стояло матовое сфери-

ческое сооружение без окон и дверей, смахивавшее на черепахоподобную «Глорию», а мимо него стлалась, сверкая, туго натянутая лента автострады.

Сезар подумал: то, чего никогда не видел, присниться не может. Не смоделировал же он, в самом деле, во сне происшедшие изменения, таких способностей раньше за собой не замечал. Значит, корабль летит намеченным курсом, а психологи включили в программу полета какой-то скрытый эксперимент над астронавтом. Неизвестно только, полностью ли подчинено его, Сезара, сознание программе, или оно в состоянии проявлять и самостоятельность, хотя бы в определенных границах.

Почувствовал легкое раздражение. Не потому, что оказался в зависимости у неизвестной силы; давно смирился, что астронавт — личность, зависящая от техники-автоматики, программы полета, неожиданных ситуаций. Есть лишь иллюзорность свободы: все, мол, в твоих и только в твоих руках. Это он понял еще на Земле задолго до старта, когда его несколько месяцев до седьмого пота гоняли на тренажерах и он злился на свое тело, организм, оболочку, такую, оказывается, неповоротливую, не способную без спецподготовки функционировать в космосе, когда думал, что земляне не годны быть детьми и хозяевами вселенной. Умственные и психические данные тестовались так, что казалось: будь в мозгу предохранители, их бы пришлось постоянно менять.

Усилившееся раздражение вдруг толкнуло его вперед. Размашисто шагая в направлении сферического строения, несколько раз мысленно повторил: ну и что, там все предусмотрено, мне ведь ничего не угрожает, зачем же топтаться на месте... И, чтобы не переться напрямик, взял на сотню метров левее и пошел к автостраде, а по ней уже к куполу.

Когда Сезар приблизился шагов на пятнадцать, матовая округлость сооружения покачнулась, а может, это ему просто показалось, поскольку на куполе бесшумно появился люк, а скорее дверь, только вогнутая, да к тому же возле самой земли, как в обыкновенном жилище, а на пороге встал мужчина... Сто чертей, это был Николя, его однолеток, Николя Ленгстон собственной персоной. Уж ленгстоновские крючковатые носы и выпученные черные глаза не спутаешь ни с какими другими; это был Николя, только имевший вид, как его сорокалетний отец. Именно таким тот запомнился Сезару, сорокалетний, а на вид все шестьдесят, фермерская работа, что ни говори, выдубливая кожу, как будто консервирует человека, очень непросто сразу определить возраст.

Николя, скрепив руки на груди, ждал. А на куполе вспыхнуло зеленым: «Ленгстон. Заправка. Ремонт. Прокат».

— Николя... — сказал Сезар и запнулся, попробовал пальцами воздух, подыскивая слова.

Ленгстон невозмутимо ждал. Ну конечно, разве ему узнать своего бывшего друга и соседа спустя четверть века, да еще и в этом костюме...

— Я Адам Сезар, Адам... ну помнишь?..

Ленгстон, переступив с ноги на ногу, протянул вперед правую

руку. Сезар было потянулся пожать ее, но его опередил спокойный и немного безразличный голос:

— Ваша карточка! Что желаете? Испортилась ваша громяющая черепаха? Автопрокат? Медицинская помощь? Завтрак? Ваша карточка?

— Николя? — Сезар почему-то устыдился, он невольно посмотрел на купол. «Омари Ленгстон» — светилося там. «Омари» — красным.

— Николя, я знал твоего отца, Сержа Одно Ухо, он родился с одним ухом...

Сезар растерянно потер лоб. «Не торопись, спокойно, спокойно, это они подбросили такую головоломку, пытаюсь вывести меня из рабочего состояния, а я мигом и клоннул: детство, кони, долина... Купили за гроши. А ведь оно нереальное, подсознательное...»

— Ваша карточка, — повторил Ленгстон.

Карточку? А дудки! Хотя, если желаете карточку, прошу, немного поиграем, я еще не робот, не спятил в полете, наверное, и чувство юмора сохранилось. Вот вам и карточка, пожалуйста!

Сезар положил на ладонь Ленгстона именную пластинку: координаты базы, задание... вплоть до группы крови, ткани и т. д. Здесь о нем все, знакомьтесь.

Что-то похожее на удивление мелькнуло в невозмутимых глазах Ленгстона, когда тот пробежал взглядом по светло-голубой пластинке; пальцами он даже не касался, она лежала словно на гипсовой руке, а потом в щелках глаз вспыхнула неприкрытая настороженность.

— У вас нет карточки? — Голос Ленгстона звучал почти требовательно, как у провинциального коммивояжера, желающего любым способом всучить покупателю товар. — Карточки с коэффициентом ваших интеллектуальных способностей, который ежегодно утверждает отделение координации общественного равновесия? Или вы просрочили срок? — Теперь в его голосе появились две авиетки с поперечными голубыми полосками?

Сезару сразу вспомнились молодчики из службы информации, плотные и веселые, компанейские парни в светлых рубашках, модных галстуках, идеально выглаженных костюмах, которые, если что-нибудь у них вызвало подозрение, становились как статуи и сыпали вопросами, не выслушивая ответы до конца, словно в каждом из них были вмонтированы внутри магнитофоны..

«Да пошли вы все подальше! — хотелось выругаться Сезару; он почувствовал себя уставшим, даже истощенным, таксе испытываешь, когда что-то с нетерпением ждешь, а потом оказывается — ждал-то напрасно. — Пошли вы все подальше: и коммивояжеры, и дебелые парни. Неужели там, на базе, болваны психологи до сих пор не поняли, что я устал и пора бы прекратить эти дурацкие шутки? Или все так и задумано? Пойду в «Глорию» и завалюсь спать, пусть лучше мне снится, что я сплю, черт возьми!»

— Вы оставили карточку в своей «черепахе»? — донесся издали голос Ленгстона, кажется, более мягкий, успокаивающий,

как у пастора. — Или потеряли? А может, у вас она с желтой полосой, и вы стыдитесь показывать?

— Не забыл. Не имею. Не потерял, — выпрямился Сезар, взяв двумя пальцами именную пластинку, сунул в нагрудный карман и затынул «молнию». Не сводя глаз с Ленгстона, с подчеркнутой вежливостью добавил: — Извините, я не знал, что в эти, вероятно, частные владения без какого-то вида пропуска входить нельзя. Извините, что нарушил покой. В ремонте не нуждаюсь. С вашего разрешения, вернусь в свою «черепаху».

— Вас сейчас подвезут, — насмешливо бросил Ленгстон.

4

«Вас сейчас подвезут».

Если бы не связали руки, он бы им показал «подвезут», он бы им показал...

Этот олух Ленгстон, застыв с вытянутой правой рукой, левую держал на широком ковбойском ремне, пальцами барабанил по обтянутому медью двум рядам дырок, но, похоже, не просто барабанил, а нажимал кнопки дистанционного управления: иначе каким образом вспыхнули надписи на куполе и откуда взялись две авиетки с поперечными голубыми полосками.

— Подождите, — сказал Ленгстон. Когда же Сезар решительно двинулся прочь, крепко схватил его за рукав комбинезона.

Сдерживаемая злость рванула из Адама: он коротко сверху вниз ребром ладони ударил по запястью Ленгстона. В тот же миг на него набросились и начали вязать. И он позволил им это, выругав себя за потерю душевного равновесия. Следовало бы взвешивать каждый шаг.

Эксперимент, похоже, затягивался. Адам знал, что приборы обеспечения жизнедеятельности и контроля все зафиксировано. Потому главное — спокойствие. Он здоровый и нормальный парень, вот. Из этого и следует исходить. До пенсии осталось пять лет, пенсия предполагалась в полном размере плюс надбавка. Ни одна комиссия не должна усомниться, что он способен продолжать полеты. И так, спокойно, что бы ни случилось, на все реагировать нормально. Все принимать как действительность, но помнить, что это, допустим, сон. Пусть убеждают: на ситуации он реагирует сознательно, но помнит, что на самом деле они не существуют. Он продолжает лететь своим курсом. И еще — надо вести себя с этими фантомами... лояльно. Немножко юмора. Воспринимать все как есть.

— ...А я ведь сразу понял: он ненормальный — и мигом подключился к системе, — говорил Ленгстон, пока Сезара вели к авиетке. — Что, думаю, за явление. Нет индивидуальной карточки. Возможно, думаю, иностранца случайно занесло? Но служба обнаружения такого бы не допустила. Да и без карточки... Ленгстоном меня называет, Никола. Был, кажется, у меня такой предок. Мы-то, Ленгстоны, считай не меньше трехсот лет здесь живем. И всегда соблюдали распоряжения властей. Чтобы какие-то бродяги без карточек ходили... нет, такого не позволим...

Врачи — так Сезар определил профессию людей, захвативших его, — пропускали мимо ушей болтовню Ленгстона. Убедившись, что их подопечный успокоился, подсадили его в авиетку, и младший, с плоским лбом в зальсинах, сведя на пере-носите тонкие и густые брови, спросил:

— Шеф, проверим здесь?

Второй, высокий, представительный, с густой шевелюрой и грустными, словно застланными пеленой тумана глазами, неспешно пожал плечами. Потом взглянул на лысого и пошутил:

— Спросим сейчас у пациента.

— Если вы намереваетесь проверить мою индивидуальную карточку, — сказал Сезар, — то я, честно говоря, не знаю, что имеется в виду. Я показывал свою именную пластинку, но она не удовлетворила.

Врачи переглянулись.

— Разрешите и нам взглянуть, — не протягивая руки, сказал лысый.

— Это универсальный документ, — зачем-то уточнил Сезар.

— Тем лучше, — кивнул старший и взял пластинку.

Рассматривал недолго, не скрывая удивления.

Они уже летели, слегка покачиваясь, летели низко, через иллюминатор хорошо была видна рыже-зеленая высокая трава.

— Там и фотография и печать, — сказал Сезар, отрывая взгляд от земли, — все как и положено.

Старший кашлянул и протянул пластинку лысому.

— Девяносто пятый год? — спросил тот сразу.

— Ну да, — кивнул Сезар.

— Сколько же вам лет? — подался к нему лысый.

— Сорок семь.

— Извините, я хотел бы поставить вопрос точнее: когда вы родились?

— Думаю, в сорок восьмом. Там указано.

— Да, да, обозначено. Может, проверим здесь, а, шеф? — шурился лысый.

— Спешите удостовериться?

— Нет, шеф, лучше развеять сомнения в момент их возникновения. По крайней мере, это не бьет по голове, или, как говорили наши предки, — он посмотрел на Сезара, — по карману.

— Наше дело маленькое: проверить, все ли нормально у пациента с головой. А дальше пусть разбираются, кому положено. За то нам баллов не насчитают. Попытайтесь найти данные о нем. — Старший повернулся к Сезару: — Как вы себя чувствуете?

Сезар еще не понял, о чем идет речь. Наблюдал, как лысый, поглядывая на пластинку, быстро, как пианист, нажимает какие-то клавиши, а на маленьком экране бегут зеленые буквы и цифры. Ответил машинально:

— Хорошо. Реальность воспринимаю как сон и знаю, что это сон...

— Это ваша концепция мира? — насмешливо переспросил лысый. Он уже получил результат и ждал.

— Знаю, что все это мне снится, — Сезар сказал то, что и

должен был сказать, дабы там, на базе, потом не усомнились в его искренности.

— Вы не спите, — настороженно заверил шеф.

— Конечно, нет, — Сезар улыбнулся, улыбнулся иронически.

— А какой сейчас год? — не выдержал лысый.

— Оставь, не наше дело, — сказал шеф. — Что у вас?

— Адам Сезар в системе не значится. Такого человека в системе нет. И на всей Земле. В запасниках тоже не значится.

— Ну, запасники-то созданы не более столетия...

— Вы действительно полагаете, что...

— Это не наша забота...

— «Черепеха», она, конечно, навевает...

— Пускай. Проверим-ка его здесь. — Старший обратился к Сезару: — Извините, что пришлось вас пеленать, — кивнул на связанные руки и отстегнул застежку. Широкий резиновый ремень зашелестел, выровнялся, упал на пол. — Так лучше. Сейчас мы к вам подключим приборы. Времени займет мало и совсем безвредно.

— Пожалуйста, уважаемые. — Сезар широко развел свободные руки.

Его быстро и ловко опоясали датчиками, на голову натянули какую-то корону с множеством трубок и тонких проводов.

— Не жмет? — спросил старший.

— Я привык, — милостиво улыбнулся Сезар.

— Ну что ж, Картон, в таком случае включайте, — распорядился шеф, и лысый поспешно клацнул тумблером.

Минуту царило молчание, только слегка приглушенно работали двигатели. Сезар видел, как лысый буквально впился в экран, брови у него вытянулись в одну линию, а губы плотно сомкнулись. И когда сеанс окончился, лысый для полной достоверности повторил его в другом режиме и только потом нехотя, даже с некоторой боязнью выключил прибор.

— Вы чем-то удивлены, Картон?

— Нет, шеф, я давно разучился удивляться.

— Не доверяете показателям?

— Как можно, шеф? — Лысый вынужденно улыбнулся.

— Какое состояние у пациента?

— Вполне здоров и физически и умственно. И умственно...

— Симуляция?

— Исключается.

— Коэффициент?

— Слабенький, то есть средний. Семьсот девяносто шесть. Принадлежит к лучшей половине человечества.

— Потенциальные возможности?

— Пять и шесть десятых процента. Жить можно безбедно. А карточки не имеет.

— Это не наша забота. Мы свое сделали. В клинику Адама Сезара отправлять незачем.

— Тогда курс на ближайшее отделение координации общественного равновесия.

- Имя?
- Там указано.
- Вы должны точно и кратко отвечать на вопросы. Желательно без эмоций, пояснений и рассуждений. Конкретно на поставленный вопрос. Не считайте моей прихотью. Этого требует систематика. Узлы машинной памяти не загромождаются лишней информацией. Имя?
- Адам Сезар.
- Год рождения?
- Сорок восьмой.
- Место рождения?
- Округ Шауберг, околица номер тринадцать, ферма Колхауз. Но там было четыре фермы...
- Ясно. Где и когда учились?
- Грамон. Шестьдесят шестой год. Школа космического пилотирования. Три года. Потом там же, в высшей школе астронавтики.
- Место работы?
- База «Грамон».
- Специальность?
- Астронавт первого класса.
- Должность?
- Командир корабля «Глория».
- С какого года летаете?
- С восемьдесят шестого. За орбиту Луны, имеется в виду.
- Курс вашего последнего рейса?
- Межгалактическая станция «Кентавр-2».
- Цель?
- Доставка аппаратуры.
- Старт?
- Семнадцатого февраля девяносто пятого года.
- Как проходил полет?
- Нормально.
- Стенограмма полета велась?
- Да. На базе и на корабле.
- У вас не было ощущения, что произошла авария?
- Показалось, будто «Глория» содрогнулась. Действительно показалось, иначе мы бы с вами не разговаривали.
- Как вы оцениваете свое состояние?
- Удовлетворительно.
- Вас не удивляет происходящее?
- Ну... не совсем. Полагаю, это сон?
- Не хотите верить, что за какое-то мгновение оказались на Земле да еще в местах своего рождения?!
- Да. Поверить трудно.
- Другие гипотезы?
- Возможны галлюцинации. Подобное случается. Космос как никак. Потом проходит.
- Еще?
- Может, психологи запланировали какой-то эксперимент.
- Без вашего ведома?

- Да, не поставив меня в известность. Возможно, это нужно для успешного завершения полета.
- Какую же линию поведения вы избрали... гм, в своем сне?
- Быть самим собой.
- Во сне?
- Да. Принимая его как реальность.
- И не забывая, что это... сон?
- Ну, насколько такое возможно.
- Но ведь перед вами не та действительность, которая могла бы присниться?
- Ну и что. Я ведь не изменился.
- Обязательно возникнут противоречия, разве нет?
- Тогда я буду успокаивать себя тем, что это сон.
- Хорошо. Помозгуйте над такой сумасшедшей идеей: вы и правда каким-то образом оказались на Земле, а там со дня вашего старта, скажем, минуло полторы сотни лет.
- Должен представить обстановку?
- Для начала.
- Ну она приблизительно соответствует нынешней.
- Ваши действия?
- Как-нибудь приспособился бы.
- В незнакомом психическом климате?
- Все живое приравнивается к обстоятельствам.
- Какие отношения были у вас с другими перед последним стартом? На Земле?
- Обыкновенные... Даже затрудняюсь ответить. Я имел солидное жалованье, и никаких проблем у меня не возникало.
- Хорошо. Допустим, нравственные устои общества, в которое вы попали сейчас, не изменились. У вас бы с ним не возникло конфликтных ситуаций?
- Думаю, нет.
- При условии обеспечения функции коммуникации?
- Конечно.
- А для ее обеспечения необходимо работать?
- Ну да. Даром денег не платят.
- А если бы вам не нашли работы? Я надеюсь, вы понимаете, о чем идет речь: техника шагнула вперед и постоянное внимание к вашей личности...
- Я мог бы и не работать. Я имел солидные вложения, страховой полис. Наследников у меня не было. А в нашем государстве такие вещи не теряют силы. Хватило бы дожить безбедно. Полагаю, коль техника ушла вперед, цены не столь уж и высокие.
- Умеренные. Хорошо, что у вас сохранилось чувство юмора. Итак, никаких проблем не видите?
- Нет, не вижу. Как-нибудь свое дожил бы. То есть, я полагаю, хлопот со мной, одним выпавшим из времени, не было бы.
- Прекрасно, что мы с вами находим общий язык. Если вы и дальше не будете возражать, думаю, никаких недоразумений не возникнет. А лучше всего, если спокойно воспримете то, что я вам сейчас скажу.
- Я весь внимание.
- Возможно, сказанное сейчас мной причинит вам боль. Да

иначе и быть не может... Надеюсь, вы воспримете известие мужественно, как и подобает астронавту. Вам его пока что хватало!

— Благодарю.

— Я и сам взволнован... Для всех нас это большая неожиданность, и потому удивление, радость и тревога — все вместе... Да! Медико-биологические данные свидетельствуют о вашем абсолютном здоровье — физическом, умственном и моральном!..

— Благодарю.

— Вы человек, лишенный галлюцинаций, не подвержены внешнему влиянию и так далее. Техничко-социальные анализы — расшифровка нашей беседы, исследования «Глорни» — подтвердили, что вы и вправду астронавт первого класса.

— Благодарю!

— И все, что перед вами — действительность, конкретная реальность, точно такая же, какую вижу и я.

— Это облегчает ситуацию.

— Единственный нюанс: сегодня двадцатое июня сто сорок и одного года.

— Трагедия не столь уж большая. Наоборот. Я рад, что моя страна достигла еще большего благополучия.

— И страна радуется за Адама Сезара: пропав без вести более ста лет назад, он вернулся в ее объятия.

— Вот только мне кажется, что столетие я преодолел за какое-то мгновение.

— Нюанс, говоря откровенно, деликатный: сейчас этой проблемой занимаются математики, космологи-теоретики, одним словом, она вне пределов моей компетенции. Но в Грамоне, в нашем славном Грамоне вам все растолкуют. Я же, как заместитель председателя окружного отделения координации общественного равновесия, от имени ваших земляков поздравляю вас с возвращением. Мы гордимся вами!

6

Кабинет был тот самый. Те же столы и кресла, портреты и картины, пушистые зеленые ковры.

Здесь когда-то Адам Сезар получал летные документы. И сейчас, ступив сюда, он подумал, что экспериментаторы нарочно сыграли на контрастах: сперва бросили его на целую сотню лет вперед, а потом снова вернули в обычную обстановку. Вопросительно-иронически посмотрел он на куратора космического Центра, жилистого невзрачного мужчину, и тот догадался, о чем хотел поведать ему Сезар. Глубокомысленно полузакрыв глаза под толстыми стеклами очков: да-да, мы, мол, нарочно воссоздали обстановку.

— Господа, — сказал куратор, — с вашего разрешения я сделаю краткую информацию, в которой одновременно и отвечу на волнующие каждого вопросы. Вы догадываетесь, о чем идет речь. Каким образом Адам Сезар оказался в сто сорок и одном году? Более подробные сведения вы получите в пресс-центре, а сейчас коротко о сути. На сегодня имеем две версии удивли-

тельного возвращения Адама Сезара — физическую и биологическую. Версия первая: «Глория» попадает в закапсулированный ступок времени, возникший на сцеплении сил тяготения планет и отдельных систем. Однако скорость и масса «Глории» привели в движение содержимое капсулы, и она оказалась в другом пространственном измерении. Соответственно изменился и знак времени. Минус! Аппаратура сработала в обратном направлении. «Глорию» в одно мгновение, равное нашему столетию, отбросило назад. По мере приближения к Земле энергия пространства-времени иссякла и наконец перешла в обычное для нас состояние. Тогда-то Сезар и приземлился. Никаких изменений ни в его организме, ни в системах корабля не произошло. Биологическая версия: каким-то образом — то ли под влиянием неизвестного излучения или опять-таки сил притяжения — корабль и Адам Сезар законсервировались и блуждали в космосе все эти годы, пока не оказались в изначальной точке, в которую в подобных случаях возвращаются неизменно. И снова никаких изменений.

— Но ведь автоматика должна была посадить «Глорию» в Грамоне, а не там, где родился космонавт, — заметил кто-то из журналистов.

— Уважаемые, — снисходительно улыбнулся куратор, — в астронавтике отклонение в четыреста километров считается падением в «десятку».

— Не будем вдаваться в детали, — прогудел журналист от окна, и Сезар невольно посмотрел в его сторону: рыжий верзила с пушистыми бакенбардами наивно поблескивал голубыми стекляшками очков. — Тем более что до полной разгадки еще далеко. Возвращение Сезара многое даст науке, и слава богу, как говорится, на благо. А нас интересует сам Адам Сезар, верно, коллеги?

— Прекрасно, — махнул рукой куратор, — мы для того и собрались здесь. Прошу задавать вопросы астронавту и руководству Центра.

— Поскольку еще многое неясно, то, наверное, эксперименты и опыты над «Глорией» и астронавтом будут продолжаться? — сразу же поспешил кто-то.

— Безусловно, — уже сидя, ответил куратор. — Безусловно. Но в основном на бумаге и с помощью вычислительных машин. Медики придирчиво обследовали Сезара и, как вам известно, нашли его состояние безупречным.

— Ну после таких переделок аппаратура могла всего и не уловить.

— Извините, вас, видимо, беспокоит, не превратим ли мы теперь Адама Сезара в подопытного кролика? — перебил куратор. — Нет. И еще раз нет. Сезар свободный, как и все граждане, и может распоряжаться собой по собственному усмотрению.

— А что думает по этому поводу сам Сезар?

— Я не совсем понял, — поднял голову Сезар, — о чем идет речь: о моем возвращении или о будущем? Проблема моего возвращения меня, конечно, интересует, но это забота теоретиков.

Я же астронавт и, сколько мог, выполнял свои обязанности. Что касается дальнейших исследований, то по надобности я всегда готов послужить науке, и всякие личные амбиции ни к чему.

Все одобрительно зашумели.

— Прошу, господа, — сверкнул глазами куратор.

— Какой коэффициент интеллекта у Цезаря?

— Семьсот девяносто шесть и четыре десятых.

— Вполне прилично.

— Господа, должен сообщить, — несколько торжественно вскинул руку куратор, — подвиг Цезаря значит больше, чем коэффициент его интеллекта. Поэтому Совет координации общественного равновесия постановил, что на карточке Цезаря будет продольная зеленая полоса!

— Bravo! — Кто-то похлопал Цезаря по плечу. — Никаких хлопот.

— И ежегодных аттестаций.

— И спокойствие до конца жизни.

— Вы удовлетворены, господа? — сдержал шум куратор.

— Вполне. И даже завидуем, — встряхнул бакенбардами рыжий верзила возле окна. — Но ведь наш астронавт, похоже, ничего и не подозревал?

— Честно говоря, нет, — согласился Цезар, сразу вспомнив Ленгстона.

— Это не уйдет, — кивнул ему куратор. — Будет приятный сюрприз. Еще вопросы?

— Не чувствуете ли вы себя чужим, Адам Цезар, попав в другой век?

— Другой век? Ну и что... Я возвратился в свою страну. Конечно, ко всему новому надо привыкать, что бывает нелегко. Но ведь у астронавтов психика гибкая, они привыкли к ситуациям и гораздо более невероятным.

— А не чувствуете ли, будто вас воспринимают как чужого?

— Понял. Вполне допускаю, что для сто четырнадцатого года мои манеры, мое поведение будут несколько архаичными, скорее всего очень архаичными, но уверен, что вы прекрасно поймете причины и отнесетесь ко мне снисходительно. Как старшие к младшему.

— Господа, — вмешался куратор, — я кое-что добавлю. Те, кто уже общался с Цезаром, никак не воспринимали его чужим. Помните, какой коэффициент интеллекта? Умные люди всегда понимают друг друга. А относительно инцидента с Ленгстоном?.. Не забывайте: «Ремонт. Заправка. Прокат».

В зале засмеялись.

— Вот почему нам легче найти взаимопонимание с Цезаром, чем с Ленгстоном, — закончил куратор.

— Скажите, Цезар, у вас оставался кто-нибудь на Земле?

— Родственники умерли еще до моего полета. Оставалась жена. Патрис Цезар. Тридцать два года...

Он впервые вспомнил о Патрис. Потому что ее, живой, реальной, здесь быть не могло, если даже это не галлюцинации, не эксперимент.

— Да, — тихо сказал куратор. — Это самый трагический момент возвращения. Возвратиться к живым, которые мертвые. А мертвые как живые.

7

На следующий день к вечеру Адам Сезар почувствовал себя вконец уставшим. День в самом деле оказался трудным и бесконечным, как пеший путь под жгучим солнцем.

Тогда, сразу же после пресс-конференции, когда журналисты ушли, перед ним включили небольшой макет Грамона и предложили выбрать район жительства. Немного поразмыслив, Сезар показал на восьмиквартирный одноэтажный дом, подковой прятвшийся в каком-то скверике. Присутствующие выбор одобрили, и уже на банкете в уютном ресторанчике Центра в одном из первых тостов, поздравляя с возвращением, ему желали счастья на новом месте, в новой квартире.

И еще одну торжественную церемонию пережил тогда, и, как оказалось, очень важную. После банкета и прогулки по Центру в отделении координации общественного равновесия ему вручили индивидуальную карточку. Церемонию обставили торжественно и пышно, были цветы и шампанское, речи и подарки от музея астронавтики. Фотографии на карточке не было, вместо нее на левой стороне выбито 0-796,4, карточка по диагонали перечеркнута зеленой полосой, а справа отпечатан текст инструкции. Внимательно вчитаться не успел, кажется, объяснялось, что делать в случае потери, о запрещении передавать в другие руки, еще что-то... Руководитель взял карточку у Сезара, повернулся, вставил ее в гнездо какого-то прибора, и там сразу щелкнуло зеленое окошко.

— Отныне, — провозгласил руководитель, возвращая карточку, — вы снова полноправный гражданин республики. Эта карточка заменит все документы...

К Сезару подходили, жали руки, желали успехов, поздравляли и прощались. Затем ушли куратор и руководитель отделения, люди из Центра — торжества не могут продолжаться вечно.

— Что мне делать с этой карточкой? — обратился Сезар к нескольким еще оставшимся мужчинам, это были, по-видимому, служащие более низкого ранга. Им поручалось опекать его первое время.

К Сезару подошел один, низенький, пожилой, смуглый, с горбатым носом.

— Понимаю ваше нетерпение, — почти пропел он. — Все очень просто. В ваше время существовали деньги. Теперь же их заменяет коэффициент интеллекта, то есть ваша способность приносить пользу государству, что в принципе равноценно результатам вашего труда. Вы пожелали купить костюм? Идете в универмаг, примеряете костюм и сдаете его автомату, своеобразному роботу. А карточку вставляете в специальное устройство. Автомат вам выдает покупку. И выпускает. И так везде. Таким образом, повторяю, это ваши деньги. И документ. Больше ни у кого такого шифра нет. Да вы очень быстро все поймете и освоитесь.

— Благодарю, — сказал Сезар, хотя у него сразу возникло много вопросов, — благодарю.

— Пожалуйста, пожалуйста. Всего вам хорошего.

К Сезару тут же подошел второй, молодой, крепко сложенный мужчина.

— Господин Сезар, — слегка поклонился он, — сегодня я в вашем распоряжении. Сейчас вас отвезут домой, вы отдохнете, а вечером я заеду за вами, чтобы отвезти на прием к президенту. Если будут какие-то другие пожелания, я к вашим услугам.

— Нет. Я, пожалуй, немного отдохну. Да и жилье надо осмотреть, — ответил Сезар.

— Там приготовлено. Желаю приятного отдыха. Вот ваш водитель. До свидания.

«Боятся выглядеть навязчивыми, поскольку навязчивость не свидетельствует об интеллекте», — мысленно съязвил Сезар.

Машина не очень отличалась от известных ему в свое время. Сезар вспомнил, как в конце века бытовала теория, будто автомобильная инженерия практически исчерпала свои возможности.

— Красивая штука и навсегда ваша, — хлопнул ладонью по кузову водитель, — бегаёт, плавает, ползает, только летает низко: над болотом, камнями.

— Моя?

— Еще бы! Заслужили. Мне вести или сами? Можно вот здесь, на панели, набрать программу, и машина доставит вас к месту назначения.

— А вы ко мне водителем тоже навсегда?

— Нет, на сегодня. Но, если желаете, к вашим услугам. Ваша карточка позволяет вам иметь водителя.

— Ну хорошо. Давайте сделаем так, — немного помолчав, сказал Сезар. — Не будем включать программу. Я сяду за руль, вы кратко объясните систему управления, а потом будете подсказывать путь.

— Принимается.

Ему не терпелось вцепиться в баранку, взять судьбу в свои руки, хотя бы на мгновение ощутить, как подчиняется железо со всеми его программами. Он поспешил и испугался, что автомобиль прыгнет вперед, врежется бампером в высокий бордюр. Но машина двинулась плавно, тихо, обороты двигателя не увеличились, словно он сам знал, что ему делать.

— Отличная машина, — сказал Сезар, чувствуя, как радость наполняет сердце.

— Да, — коротко отозвался водитель.

— Где-нибудь работаете? — спросил Сезар.

— Здесь, в Центре.

— А какой у вас коэффициент? Простите, я хотел сказать, какая у вас зарплата?

Исправился, называется! Вот черт. Заметил, как водитель, не поворачивая головы, искоса посмотрел на него. Извиниться, что ли? Все равно что спросил человека, все ли у него дома.

— Для водителя достаточный.

— Наберусь я хлопот с этой карточкой, — вздохнул он, переводя разговор на другое. — Ничего не понимаю.

— Какие там хлопоты? — гоготнул водитель. — Я слышал, номер у вас будь здоров. Да еще и зеленая полоса. На всю жизнь. Заходи куда хочешь и бери что душе угодно.

— Но ведь, как я понимаю, так может каждый.

— Может, но дудки. Я, скажем, только один раз в пять лет могу взять для своей подруги жизни какой-нибудь из камешков, болтающихся на шее у некоторых дам. А машину — раз в три года.

— Но ведь можно, если, гм... коэффициент невысокий, малый, в разных магазинах можно десять раз на день брать себе что захочется?

— Конечно, можно. Только контроль по всей стране — единая система. И однажды засветится не зеленое, а красное окошко, и вас выдворят из магазина или из другого места. Рассчитано ведь, сколько приблизительно надобно в год человеку, к примеру, имеющему шифр «двести». Электронная система все записывает, запоминает. Больше не разрешит. А карточку меняют ежегодно, еще бы. Может, коэффициент увеличился, а может, и снизился. Чтобы по справедливости.

— Значит, так... Техника несравненно продвинулась вперед, и благополучие, надо полагать, выросло, если позволили себе такую систему. Но ведь кто-то, получив карточку, возможно, и не станет работать, а будет продлевать ее и жить потихоньку.

— Пусть попытается, — проворчал водитель, — все наши действия фиксируются системой. Как, я не знаю, врать не буду. Такое ощущение, будто система наблюдает за каждым твоим шагом. С женой спишь, и тогда, кажется, на тебя смотрят... Так вот! Не выработав необходимого минимума, попробуй продлить карточку! Через неделю гикнешь с голоду.

— А если воспользоваться чужой? Я к тому, что дармоеды всегда прибегали к каким-нибудь приемам...

— Какой чужой? У каждого человека свой биологический ритм. Вы подходите к «контролю», вставляете карточку, и система сопоставляет ваш ритм с шифром...

— Значит, грабители остались без работы? — пошутил Сезар.

— Ну да! — засмеялся водитель. — Еще бы! Находятся интеллектуалы, которые умеют приспособиться. У них какие-то приборы, они и биоритмы изменяют, и систему обманывают. Парни не промах.

— Зато, видать, нет ни бедных, ни богатых? Ну, не такая уж большая разница.

— Бедных и богатых нет. Есть умные и дураки. Но кто виноват, что он бестолковый? Все возможности, чтобы не оказаться дураком, имеются. — Водитель сплюнул через плечо в окошко. — Вот и получается: никто не виноват. А у кого коэффициент выше, да еще и литературный, тот и систему на себе держит, и кормит тех, у кого он, этот коэффициент, низкий. Каждый держит свой банк в голове. Вот.

— Ненадежное хранилище.

— Голову-то не своруюшь, себе не привинтишь. — Водитель снова искоса посмотрел на Сезара, казалось, даже подозрительно. — Конечно, такой сейф не бронирован, но наши шефы носят его спокойно. Система бережет. И люди специальные охраняют. С низким коэффициентом, правда, приблизительно, как у собак, но и преданы они как собаки. А карточки у них литерные — дополнительные льготы.

— Полиция?

— Похоже.

— Четкая система, что и говорить.

— Еще бы. Все она знает, абсолютно все. И никаких тебе хлопот.

Домик оказался чудным: аккуратный и в тихом месте. Несколько жильцов, гулявших во дворе, не обратили на него особого внимания, но, безусловно, узнали: видели по телевизору. И даже дети не прервали игру. «Так, вероятно, и надо, — подумал Сезар. — Ничего удивительного. Не цирк...»

О мебелировке квартиры тоже позаботились. Словно кто-то ранее выведаль его вкусы. В принципе, именно таким и мечтал он видеть свое жилище. Неудивительно: коль определяют возможности интеллекта, вкус им выявить тем более несложно.

В восемь утра в дверь позвонили. Сезар мгновенно проснулся и сперва поразился окружающему его пространству — привычка к корабельной тесноте въелась навсегда. Но с дивана вскакивать не спешил: не тревога же. Странно, но сегодня ему ничего не снилось. Устал.

Звонок раздался еще раз: деликатно, неназойливо.

— Я сейчас! — крикнул Сезар и набросил халат.

— Извините, что рано побеспокоил вас. — На пороге стоял смущенный юноша лет двадцати двух.

— Проходите. — Сезар указал рукой в глубь квартиры. — Если пришли, то, очевидно, по делу. Я к вашим услугам.

— Меня прислали из отдела координации.

— Очень приятно, садитесь, пожалуйста. Я сейчас приготовлю кофе. Завтракали?

— Спасибо. Да. Не беспокойтесь. Только стакан оранджа, если можно...

— Прошу. — Сезар вынул бутылку из холодильника.

— Меня направили к вам из отдела координации, — повторил юноша. — Я обязан быть при вас первое время, пока освоитесь, показывать, объяснять... Вашим секретарем.

— Прекрасно. Благодарю. Тогда давайте знакомиться.

— Я — двести тридцать пять и четыре сотых... Ой, совсем забыл, извините. Петер Хант. Меня зовут Петер Хант.

— Разрешите, я вас буду звать просто Петер?

— Пожалуйста. — Парень смутился.

— Ну вот и хорошо, Петер. По рюмочке коньяку за знакомство. — Не дожидаясь ответа, Сезар направился к бару. Удивительное веселье охватывало его.

Петер растерялся.

— С утра пить вредно. — несмело запротестовал он.

— Да? — хохотнул Сезар. — А вы одну каплю. С оранджем. Разболтайте, и на здоровье не скажется.

— Разве что так. За знакомство.

— А на меня не обращайтесь внимания. Меня уже ничто не возьмет, — сказал Сезар и одним махом выпил рюмку. — Славный напиток. Ну, уважаемый секретарь, введите меня в курс дела, — сказал Сезар, отламывая и бросая в рот маленькие кусочки сыра.

— Собственно, если вы согласны...

— Почему же. Говорят, я человек богатый, могу позволить себе иметь секретаря. Только неясно, каким образом я буду вам платить.

— Здесь все в порядке. Система знает, что я работаю на вас, и будет платить по моему коэффициенту.

— Тогда никаких проблем. Я принимаю вас. Надеюсь, загружены работой не будете.

— Буду работать столько, сколько вам нужно.

— Отлично. Но сначала вы мне объясните толком устройство системы.

— Система — это все, — серьезно сказал Петер.

— Исчерпывающе, — согласился Сезар.

— Нет, в самом деле, — смутился юноша, — она везде...

— Давайте условимся, — перебил Сезар, — я буду спрашивать, вы — отвечать. Потому что если начнете рассказывать обо «всем», жизни не хватит. Итак, в общих чертах система — это...

— ...Электронно-вычислительная машина. Собирает и анализирует данные о каждом. Нынешний наш разговор тоже фиксируется.

— Подслушивающие устройства?

— Нет, другое. Просто этот дом — один из блоков системы.

— Но зачем?

— Чтобы точно определять коэффициент интеллекта и результат труда каждого на благо государства. Ни одна мысль не теряется напрасно, кто бы ее ни высказал — дворник или президент.

— А если кто-то не пожелает все время находиться на виду? Есть же и личные, интимные моменты?

— А кто захочет, чтобы его мысли терялись понапрасну? К тому же система блокирует интимное, личное, то, что представляет ценность только для индивидуума. Главное же — демократический принцип: к системе подключены все. Вы можете по справочнику узнать шифр интересующего вас человека и узнать о нем все, кроме интима. Можете проверить деятельность правительства, собственную работу, мою или кого угодно. Граждане в системе заинтересованы, она объективно оценивает каждого. А кому выгодно, чтобы оказалась неучтенной хотя бы единица интеллекта? И при этом каждый причастен к делам общества. Вот вам пример: господин Икс придумал способ совершенствования определенного процесса в производстве носовых платков. Свою мысль он высказал в квартире, в машине, где угодно, даже в лесу, все равно. Сигнал попадет в систему, пройдет ее проверку и будет передан в соответствующую отрасль. Автоматы немедленно переоборудуют конвейер, и, пожалуйста, процесс производства носовых платков усовершенствован. А гос-

подину Икс система автоматически подбросит определенную единицу интеллекта.

— А чьей собственностью является система?

— Ее контролируют люди с высоким коэффициентом интеллекта. И, понятно, в их распоряжении и самые большие блага.

— Одним словом, система как бог. Все в ней, и она во всем. А присутствие бога, как известно, никому не мешает.

— Удачное сравнение.

— Еще коньяку? Я тоже никогда им не увлекался. Ваше здоровье! Система фиксирует, что я разрушаю свой мозг алкоголем?

— Уже зафиксировала. Но вам ничто не угрожает. Зеленая полоса на всю жизнь. Наконец, системе безразлично, кто сколько пьет. Упадет производительность — снизится коэффициент.

— А отделение, Совет координации — связующие звенья между системой и населением?

— Вы поняли верно.

— Скажите, — выпив третью рюмку, поинтересовался Сезар, — а конфликтов не бывает? Ущемленного самолюбия? Комплексов неполноценности? Презрительного отношения к менее умным, то есть своеобразного интеллектуального расизма?

— Сколько угодно. Общество есть общество. Всегда возникают какие-то противоречия. И самоубийства случаются. И блоки системы рушат. А чтобы систему сломать, надо одновременно нажать всем на все блоки. Но этого никогда не бывает. Да и зачем? У каждого равные возможности для того, чтобы аккумулялировать в своей голове необходимое. Общество только бы выиграло, если бы у каждого гражданина интеллект превышал тысячу. Но ничего не поделаешь. Это дело далекого будущего.

— А как правительство помогает тем, у кого коэффициент низкий?

— Всеми возможными способами. Но ведь природа остается природой. Насильное вторжение только вредит. Негативная наследственность тоже дает о себе знать. Войны, голод, наркомания, изнурительный труд — все аккумулялировалось в генах, передавалось следующим поколениям. Возможности мозга у всех фактически одинаковы, а функции возможностей — нет. И пока генотип гражданства не очистится, конфликты неизбежны.

— Думаю, мы сильно увлеклись. Принцип я понял. Остальное, как говорят, в рабочем порядке. Времени у меня — океан. — Сезар наполнил свою рюмку.

— Вам беспокоиться нечего: вы обеспечены. Но сейчас больше пить я бы не советовал. — Петер встал. — Телезрители просят вас исполнить одну миссию. Собственно, поэтому я и пришел так рано.

— Рад послужить. В чем же она состоит? — Сезар откинулся в кресле.

— Просят показать вас в музее астронавтики, возле вашего памятника, в вашем доме-музее.

— Мой памятник и музей?

— Ну да! Как всем погибшим или пропавшим без вести.

— О, слава!..

— Да, хотя после вашего возвращения пришлось поднимать старые архивы, вы же в систему не были введены.

— Ладно. Я не в обиде. Хотя вчера ни о памятнике, ни о музее ничего не говорили.

— Никто не вспомнил, а система посчитала нерациональным.

— А сейчас?

— Сейчас — да. Появился интерес, значит...

— Тогда вперед!

Так начался этот день. Непонятно, что его погнало в собственный музей, к собственному памятнику. Да, пожелание соотечественников. Им захотелось увидеть, как тот, погибший, воскрес и смотрит на себя мертвого. А он действительно возвратился из небытия к тому, что произошло вскоре после смерти. Памятник был из неотшлифованного черного лабрадорита, в нем выдолблена ниша, а в ней голова Адама Сезара из белого мрамора. Разум, потерянный в пространстве. И чудно было войти в коттедж, откуда вышел когда-то. Он смотрел на фотографии и грустно улыбался. На одной из них Патрис бежала взморьем в лучах заходящего солнца. Патрис, которая состарилась без него и умерла. Просто не верилось, что Патрис нет...

В машине он попросил Петера навести справки о судьбе Патрис. Парень минуту размышлял, потом начал нажимать клавиши на пульте. «Отпечатать или сообщить вслух?» — замерли на экране маленькие зеленые буквы. «Вслух, только вслух, — подумал Сезар, — я не служба информации, чтобы собирать досье. Только кратко, самое существенное. Пусть себе Патрис бежит взморьем. На фоне заходящего солнца. А мне одни сведения о Патрис Лонг».

— Патрис Лонг. Грамон. Психолог. Ученой степени не имела. Первый муж — астронавт Адам Сезар. Пропал без вести. Второй раз вышла замуж за Франца Зигмунда, автогонщика. Погиб в аварии. Затем вышла замуж за служащего фирмы «Феникс» Куба Лонга, умер в пожилом возрасте. При переходе на интеллектуальную оплату труда не выдержала перегрузки. Находилась в психиатрической больнице, где и умерла. Похоронена за счет государства. Родных и близких нет.

8

Издали гора смахивала на огромный голубоватый сегмент солнца, которое едва начало подниматься над горизонтом.

Прикинув по привычке на глаз расстояние до нее, Сезар проехал по автостраде еще метров пятьсот и, когда просвет между деревьями показался ему достаточным, повернул влево. Машина легко и плавно преодолела кювет и на полуметровой высоте понеслась над полем, над густыми зелеными всходами напрямик к горе.

Это он решил неожиданно в тот вечер, когда система ровным, бесстрастным голосом сообщила ему сведения о Патрис. «Стоп, — сказал он себе, — давай остановимся на минутку. Пятьдесят четыре года назад умерла Патрис в психиатричке, похоронена за государственный счет. А мне сорок восемь. Выхо-

дит, умерла до моего рождения... Собственно, я тоже умер и сейчас нахожусь как бы на том свете. Во сне. И если я мертвый, терять мне нечего — все, что имел, я уже потерял. Так вот, если это сон и я покончу с собой, сон должен прерваться, я проснусь за пультом «Глории». Если же это действительность, мне тоже терять нечего. Если в самом деле проводится эксперимент, в последнюю минуту меня остановят... Но если это эксперимент, зачем мне тогда разрешают думать, будто это эксперимент? Обострить ощущения, чтобы я полнее раскрылся? Почему разрешают контролировать себя? Или вынуждают контролировать, чтобы загнать на середину каната, протянутого над пропастью? Чего от меня хотят? Сон или эксперимент — все зафиксировано, потом расшифруется. Не верю, что это реальность, не верю, не воспринимаю! Я из того времени! Я хочу туда!

Спокойно, — уговаривал он себя, — спокойно, ты же астроном, давай думать, у тебя же прекрасная реакция на смену ситуаций. Может, система еще не фиксирует мыслей. Приборы «Глории» фиксируют, да бог с ними, я проверен на лояльность. И вообще, коль дело идет к тому, что можно потерять рассудок, при чем здесь лояльность? Моя обязанность — не лишиться рассудка, сохранить себя, а там как получится. Во-первых, выключиться из суеты по познанию этого постиндустриального, или как его, общества, пусть живут как им хочется, мне какое дело? Я должен успокоиться, снять напряжение, чтобы не попасть в переделку. Отключиться. Экспериментаторы должны убедиться в моем спокойствии...»

И он избрал это место. Пожелал побыть в одиночестве, пострелять уток, словом, прийти в норму.

Сезара ждали. Когда через полчаса машина сделала поворот почти на девяносто градусов, ему открылась небольшая лужайка, укрытая свежими покосами клевера. В глубине была лесная сторожка, возле нее стоял пожилой человек, служитель. «Этого мне и хотелось, — отметил Сезар. — Вот такая сторожка с гонтовой крышей, заросшей мхом, и колодец во дворе».

— Я вас давно жду, — сказал мужчина и протянул руку. — Гофман. Так и зовите меня — Гофман. Коротко и ясно.

Сезар пожал крепкую красную руку Гофмана и невольно прищелкнул к нему. Старая шляпа с опустившимися полями, поношенный костюм, на ногах солдатские ботинки без шнурков, видны серые шерстяные носки. Сетка морщин под глазами, нос, как маленькая обчищенная луковица, короткая седая борода. Что это: печать лесного одиночества или маскарад, антиквариат специально для Адама Сезара, чтобы он лучше себя чувствовал? Пускай, какая разница, покой и только покой, хватит самокопания.

— Давно вас ожидаю, — повторил Гофман. — Как получил указание системы, так и жду.

— Вас предупредили? — спросил Сезар.

— Ну да, — Гофман уже вытянул из багажника вещи, — сообщили. У меня приемник. С телеустройством. Я в курсе. Вы можете оставить машину здесь и выключить, хотя она, зараза, полностью и не выключается.

— Не любите систему? — что-то будто подтолкнуло Сезара.

— Да я о том, если кто забивается сюда, значит, ему надоело гнаться за коэффициентами и он убегает подальше от машинерии. А у меня система своя, своя система.

Гофман понес чемодан в хижину.

— Сколько же вам лет?

— Да уж за шестьдесят.

— И давно здесь?

— Пожалуй, тридцать шесть годов.

— И все время сам?

— Почему? Мужику самому не продержаться. Была старуха. Правда, лет десять назад втемяшилось ей что-то в голову, не выдержала, убежала к сестре. Роботам со спины пыль стирает, — рассказывал, не оборачиваясь, Гофман. — А мне уже все равно. Я здесь корни пустил. Еще до того, как выписал ее сюда.

— Как... выписали?

— Заказал. Это делается просто. Вот и приехало чучело. А мне все равно. Было бы с кем словом переброситься. — Гофман остановился и оглянулся на Сезара: — А ребятишек не захотела, чертовка. Говорит, мы с тобой дураки, и дети пойдут такие же. — Гофман сплюнул и двинул дальше. — А к старости все равно не выдержала, убежала.

— Я посижу здесь на лавочке, — бросил ему вдогонку Сезар. — Подышу.

— Дышите, дышите. Я тем временем чемоданы разберу да что-нибудь к обеду приготовлю.

Сезар сел на скамейку в тени дикой груши. Ветки зонтиком нависали над ним, густые и тонкие, с мелкими листочками, как у всех дичков, сплелись, ни конца, ни начала не найти, палец не просунуть. «У меня тоже так, — подумал Сезар, — сплелось — не разорвать, разве что разрубить одним махом. Но рубанешь по этим веткам, и кривое и прямое полетит. По живому рубить...»

Он оглянулся. И то, что здесь, пока он сидел и думал, ничего не изменилось, неожиданно его успокоило.

9

— Видите тот мыс? — Гофман указал на противоположный берег озера. — Он высунулся как треугольник. И камыш стеной. И вдаль дерево. Когда отстреляетесь, рулите лодку к нему, там и ночевать будем. Я и костер зажгу, на дым плывите. А пока что в обход пойду. За полчаса до сумерек и двигайте. Как только солнце зайдет, лёт закончится. Ни пуха ни пера!

— К черту! О, едва не забыл: а какая же норма отстрела?

— Сколько пожелаете. Наплодятся, — бросил хмуро Гофман и ушел, словно медведь, с горбатым рюкзаком на спине.

Сезар удобней устроился в лодке и положил ружье на колени. Что бы с ним ни произошло, что бы ни случилось, это зеркальное озеро с зеленоватой водой, почерневшая деревянная лодка с облупившейся по бортам смолой, навсегда впитавшая влажный запах рыбы, эта прохлада в камышах и солнечный плес впереди, арханчский двустольный винчестер, взятый у Гофмана вместо ружья с электронным прицелом, зеленые патроны, насыпан-

ные в большую жестяную банку, — все это как будто отодвинуло куда-то кошмары и галлюцинации, и даже пальцы легонько дрожали на блестящем прикладе винчестера...

— Немного, но для первого раза прилично, — сказал потом Гофман и забрал из лодки уток за головы, одной рукой.

Кипел ведерный котел на костре. Гофман довольно посмотрел на него и принялся за уток. «Пять», — еще раз пересчитал Сезар и сел прямо на землю, склонившись на рюкзак. Гофман тем временем общипал уток, перевернул одну, вынул складной нож и коротким движением разрезал утке живот. Положил в миску печенку, желудок, а сердце разрезал надвое.

— Видите? — протянул на ладони белую горошину.

— Дробь? — не понял Сезар.

— Белая!

— Действительно, — Сезар взял горошину. — Нарост, что ли?

— Нарост... — Гофман кисло улыбнулся. — Я лично уток с таким наростом в сердце не употребляю. Хотя по вкусу от настоящих не отличишь.

— Болезнь?

— Болезнь... — И снова злая, кислая ухмылка. — Я не знаю, как это назвать. У меня был низкий коэффициент, так что я многого не понимаю. Но вам скажу. Потому что вы оттуда, — он указал рукой в небо. — Для вас оно может иметь значение. Эта белая горошина значит, что утка искусственная, сделанная людьми. В горошине искусственный генетический код. И утки эти живут, как и дикие, даже скрещиваются с дикими. И наследство их уже имеет такие горошины. И уже трудно понять: искусственные или нет эти трава, деревья, звери. Не будешь ведь копать во всем, чтобы найти подобную горошину, живую горошину. А так не отличишь. Теперь вам понятно? — В глазах Гофмана прыгали красные отсветы костра.

— Почему вы мне об этом говорите? — хрипло спросил Сезар.

— Потому что вы оттуда. — Гофман снова указал на небо. — И вы к этому никогда не привыкнете. Чтобы знали заранее и не утешали себя иллюзиями. Нас окружает словно и живое, из тех же органических и неорганических соединений, что существовало всегда, из чего и состоит мир, но оно другое, оно для нас чужое.

— Для кого — для нас? — спросил Сезар, помешивая палкой воду в котле.

— Для нас — тех, кто отстал. А отстали миллионы. И уже не могут нагнать.

— А люди, люди-то какие?

— Не знаю. Я в этом не копался. Но вы же видите — все возможно. И я уверен: появятся искусственные люди. Если еще не появились. Вы их не отличите от настоящих. Но они будут иметь высокий коэффициент. Заранее. Нет, не роботы. Это будут просто другие люди. Другие озера и утки, рыбы и звери. Другие люди в другом мире. И когда кто-то, как, например, вы, затеряется во времени, он не отличит ничего искусственного от данного природой.

— Возможно, в этом и предназначение цивилизации? — по-

пытался вслух поразмышлять Сезар. — Все здоровые, умные... равные...

— А какой ценой? Ценой миллионов отсталых, тех, у кого низкий коэффициент. В чем же их вина? Что не хватило жизни выбиться в люди? Ведь нить тянется веками — кто был наверху, тот там и остается. Мои предки были фермерами. Ваши тоже. Вам повезло, мне нет. Каждый обязан выкарабкаться сам — такой закон. Так наши умники установили. Чтобы было как в природе. Мол, чтобы не превратиться в роботов. Принцип выживания при видимом всеобщем равенстве. Но «все» умрут, а останутся «другие». Умрут без наследников, будто их в мире и не было!

— А в других странах? — с раздражением спросил Сезар.

— По-разному. Многие пошли иным путем: выравнивание моральных, психических, биологических, интеллектуальных возможностей человека....

— Вы, наверное, и сбежали сюда, в глушь, в знак протеста против... ну такого поворота событий?

— Какой, к черту, протест. Я приехал сюда в двадцать пять лет. Со злости, да. С обидой в сердце, да. Какой это протест? У меня коэффициент сто семьдесят четыре, а полюбились мы с девушкой, у которой он был свыше четырехсот. А коснулось совместной жизни — не смей. Родители против, врачи носом крутят, а закон хотя и не запрещает жениться с разным коэффициентом, но надо иметь справки и от родителей, и от врачей. Конечно, согласие девушки — главное. Но ей сказали: когда у тебя коэффициент за четыреста, наверное, нетрудно понять, что этот холоп тебе не пара. Или хочешь, чтобы снизили? А дети? Подумай о них? Вот так я здесь и оказался, плюнул на всех.

«Почему я ему верю? — ужаснулся Сезар. — Да он же сумасшедший и рассказывает ерунду! Нашел, называется, спокойное местечко! Неужели все, что он говорит, возможно?!»

Рубашка на спине высохла, становилось холодно, сумерки гушали, только небосвод светлел.

«А почему, собственно, невозможно?» — подумал хладнокровно, с какой-то лютой ненавистью. И четко провел линию из своего времени — от изничтоженной, невзирая на запреты, дичи, загаженных рек, вытопанных лесов, миллионов голодных и неграмотных детей в джунглях, наркоманов и алкоголиков, развратников и развратниц, войн и просто убийств, тотальной слежки, гетто «неполноценных», погони за наживой, наслаждениями; безразличия к ближнему, богатства и нищеты, переполненных до отказа психиатрических больниц, демагогии и просто вранья, подозрений, опытов над людьми — все это происходило на его глазах, а нередко и с его участием. Поэтому-то невозможного здесь не было, больше закономерного. Он же знал, как все было! Только не задумывался, к чему все это может привести!

«Да я, наверное, схожу с ума! — мелькнула другая мысль. — Уже не контролирую себя...»

Будто горячая волна поднималась в нем, отрывала от земли. «Сейчас, сейчас я должен что-то придумать, я же астронавт, я всегда находил выход».

Вцепился обеими руками в тоненький ствол дерева. «Еще все

нормально, я еще чувствую, как шершавая кора впивается в кожу!» — Прижался лбом к дереву.

«Глория» оставалась последним и единственным шансом. Освободить «Глорию», если еще не разобрали, стартовать по старой программе, догнать себя бывшего — коль попал сюда, то, возможно, повезет вырваться и отсюда. Единственный шанс — стартовать и догнать себя, и тогда пусть это будет сон, галлюцинации, эксперимент — все рассеется, когда он догонит себя, когда доставит аппаратуру на далекую станцию, где ждут люди; стартовать на обратной связи и возвратиться туда, где по взморью бежит Патрис в призакатном солнце...

Из выводов в журнале экспериментов:

«Эксперимент № 796,4 на футуристическую реакцию проведен успешно. Показатели расшифровываются и анализируются. Полученные подопытным путем знания заблокированы. Полет продолжается успешно».

**Авторизованный перевод с украинского
В. СЕРЕДИНА**

